

Гангреневич Артём

Рассказы в ночи:
младенческие
ГОДЫ

Артём Гангреневич
Рассказы в ночи:
младенческие годы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69866035

SelfPub; 2023

Аннотация

Малый цикл из ранних экспрессивных произведений молодого автора. Этот цикл наполнен сумрачными экзистенциальными размышлениями, ночной романтикой и немногочисленными провокациями во имя Реального и Свободного мира. Таковы были годы, проведенные под луной и лишь наедине с собой.

Артём Гангреневич

Рассказы в ночи:

младенческие годы

Окно

В момент рассеивания теней, когда солнце вновь стало подавать первые лучи нового дня и прохладный, разреженный воздух отпрянул от земли, я поднялся с серой постели и, не уложив волосы, вновь увидел потолок. Проблески лучей умиротворенно падали на пол и стены, и последние больше не сжимались. Маленькое постукивание сверху оживляло комнату, а машины шуршали за окном 16 этажа, заставляя сердце биться чаще. Я подошел к обнадеживающему окну и сел на стул. Солнце освещало мои руки и грудь, словно те существовали лишь сейчас. Птицы, как и ранее, торопятся в глубоком голубом небе и, присаживаясь на желтые деревья октября, тут же улетали. На миг я сравнил это с человеческой судьбой. Люди спешили, ведь каждое утро обещает что-то иное. Что-то иное в отличие от прошлых дней, где было что-то уже другое иное. Ветер снаружи чуть прибавил, заставляя мои мысли медленно, со скоростью потока воздуха, слетать вниз. Инстинктивно я стал прикрываться от него руками, однако ничего не изменялось: действие росло и ускорялось с каждой моей попыткой защитить себя. Одна машина внезап-

но прогудела, возмущаясь ситуацией на дороге. Стук сверху прекратился и оставил меня в полном одиночестве с окном.

Я чувствовал маленький холодок снаружи, что все же начал пробирать меня, хоть и оставался невидимым. Небо чуть посинело, а улицы будто подвинулись на миллиметр, искажая свои истинные формы. Эти изменения окончательно уронили первую мысль и воспоминание. В сознании показался вечерний ноябрь, где еще не успел упасть затягивающий и бесконечный затемненный снег. Горели фонари, вокруг не было никого. Один я шёл по лабиринту из зданий, которые ложились друг на друга и истомно, страшно молчали. Сверху было сплошное полотно унылой, пожирающей серости. В потоке бесчисленных голых деревьев я потерялся и рухнул. В эту же минуту воспоминания, оранжевый лист ударил в окно, пробудив меня. Я снова обнаружил себя у этого же окна. Я сидел абсолютно безмолвно и без единого звука. Машины перестали шуршать, начав издавать нагромождающийся и тяжелый звук. Сознание сконфузилось и выкинуло на меня очередное воспоминание-сон, где полумертвый я еще более убиваю себя. Мигом это сменилось девичьей рукой, которую я уверенно держу с полной грудью теплого, нежного воздуха. В ее глазах я вновь увидел самого себя, если «он» до сих пор был «я». По неизвестной причине, стук снова начал и усилился. Небо стало полностью синим, и листья падали всё больше. Снаружи сломалась ветка,

и этот звук отразился в моей потухшей, пустой груди. Эхо расшатало тело и что-то маленькое покатилося вниз. Легкий дождь начал, и сразу все окрасилось в цвет промокшего асфальта. Ветер поддал. Сидеть стало холодно, и я встал, приблизившись к окну в надежде на солнце. Но было тщетно.

В меня врезалось какое-то отдаленное имя, которое своим незаметным ударом возбудило погоду снаружи и эхо внутри. И тут я осознал: нельзя вспоминать. Нельзя помнить. Нельзя видеть себя тогда. Однако внутренний голос лишь распространил очередное пагубное эхо, в разы сильнее. Имена со скоростью птиц разбивались об меня, события выпрыгивали и потухали, закрывавшись, словно течение Стикса. Воспоминания сменялись то черной улицей, то любвеобильной пульсирующей рукой. Вдруг эти нейронные фотографии стали соединяться в одну, превращая сознание в ужасную фантазмагорию. За окном образовалась белая пелена, размытая огромными каплями дождя, которые сносил обезумевший ветер. Рассудок источал из своих бездн самое сокровенное и в надежде давно забытое. Холод бил в тело и отсекался. Я одержимо вспоминал начала и концы, победы и поражения, рождения и самоубийства. Лица, имена, названия, места хаотически возникали и обещающе взрывались с последующим гробовым затишьем. И неожиданно я увидел себя и людей, что были мной, посреди окружающего действия. С обжигающим страхом я рассмотрел их всех: счастливые, убитые, по-

хотливые, любящие, любимые, вверху и внизу. Я собрал их воедино и напугался: неужели это всё я? Неужели я сам построил эту судьбу? Ужас охватил меня, и оцепенение вонзилось своими ледяными когтями в мою шею. Дождь со зверской силой бил в окно, ломая мою голову; ветер визжал, подкидывая и избивая почерневшие листья. Где-то вдали прогремело, и мир сжался. Я вцепился в подоконник в попытке поймать равновесие. Пол точно раздвигался и возвышался. Неужели это всё я? Неужели я привел себя к такому концу? Всё, что приходило, отчаянно уходило или убегало. Люди сменялись, лица терялись, имена перемешивались, и никого не оставалось. Чем больше я вспоминал, тем больше становилась та рука. Тем больше она разрасталась в необыкновенной и злобной нежности, до боли сжимав мою руку. Очередная ошибка, очередной путь, очередные люди – все оставалось тем же. Дождь размывал мои мысли, оставляя липкую грязь. И дождь заставил эту руку утратить нежность, заменив ее всепоглощающей ненавистью. От боли сломанной кисти я вскрикнул, и передо мной возникла пустота.

Ветер выбил окно, и я почувствовал необычайную легкость, будто я летаю где-то высоко. Волосы мои развевались и тряслись в горячке. Я оказался за окном.

Про жизнь

Если вы когда-либо в какой-то кроткий час ощущали, что

по горлу что-то медленно ползёт вниз и сгущается в вашем желудке – это жизнь тягостно тянется вниз, вяжется и плотно закрывает дыхательные пути. Я вышел из своего дома и снова в повторный день узнал, что мне нужно пройти фиксированное количество шагов, затем сесть, подождать фиксированное количество времени, встать и пройти то же количество шагов. Линзы погрязли и теперь взгляд помутнел. Так всегда: ничего нового. В конкретное время я вновь обращаю глаза в сторону и, должно быть, воспряну грудью, но камни в ней перевесят меня. Я уже знаю все наперёд: каждое слово, каждое действие, каждую мысль. Я могу это потрогать, я могу это услышать. Я раздел мир и узрел его обнаженным. Люди доколе созерцают эту деву, прикрытую одеждой. Они верят в запретный, сладчайший плод внутри и стараются соблазнить её, выгребсти пошлые слова и пресытиться ими, дабы позже вновь охладеть и вновь попытаться. Однако в прорывной миг страсти всё падает, умирает, мертвеет и отходит. Я поныне одеваю оголевший мир, наношу на него макияж и полирую лицо, чтобы пройти фиксированное количество шагов и не упасть в пропасть, не войти в небесную петлю.

Скоро это закончится.

Вавилонская башня

Василий Бледнов был человеком кротким и малым по росту. Сгорбленный, с охапкой русых волос, потемневших

от нескончаемых дождей, и с невзрачными серыми глазами. Однажды он, проспав свою излюбленную, но и унылую работу, вскочил с кровати и даже ударился головою об потолок. В панической спешке он уже надел такую же по цвету куртку, как и его волосы, обмотался шарфом (хоть на улице и было 15 градусов) и, должно быть, все бы было прекрасно и светло, если бы не ботинки. Он обнаружил на них крошечный кусочек земли, смешанной с глиной! И тут же сердце Василия сумасшедше забилось, точно оно пытается выбраться из него наружу. "Почему именно сейчас? Нет, такого не должно было произойти сейчас!" – вскричал в своем сознании Бледнов. Он не понимал, как бороться с этой частичкой грязи: руками нельзя, ведь, по мнению Василия, "руки – единственное, что нельзя марать"; водою – долго и с последствиями, иначе вдруг он подцепит куда больше грязи? телекинезом он не обладал. И пришлось Василию смириться с такой тяжбой судьбы и, безысходно вздохнув, надел эти ботинки. А пока он шёл, окружённый серыми коробками, его такую же крохотную душу больно терзало напоминание о том, что земля с глиной никуда от обуви не ушли. И стал Василий надумывать по дороге что-то новое. То, что отвлекло бы его от своей же обуви. Он пытался представить дальние берега морей, голубые небеса и Вечное солнце, согревающее землю. Однако ничего он представить не мог, а лишь вербализировал свои тучные попытки нафантазировать. Он хотел увидеть радугу и мнимо наговаривал про себя: "Радуга, радуга, радуга, ра-

дуга...", затем утопал и терялся в этом слове, а вскоре забывал про него. Сознание Василия было усопшим, устоявшимся. Будто пауки сплели свои злополучные сети и навсегда запретили этим Василию рождать новые мысли и идеи и позволяли ему довольствоваться лишь старым. А старое было всё одно: он всю жизнь мечтал о мире, о вселенском спокойствии, об утопичной жизни, где людям бы не пришлось вести войны, воровать и заниматься иного рода преступлениями. Бледнов словно с самого рождения был соединен с этой идеей, точно они и вышли из одной утробы, где вместе и развивались.

По приходе на работу, Василий точным взглядом уже с порога определил, какой ему предстоит день. А день был все тот же – квадратный, с подтеками, с разводами. Усевшись за своё кабинетное место, Василий сразу же включил радио. Сухими пальцами, потрескавшимися от холода весной, он взял ручку и снова принялся за то же дело, что и вчера, что и позавчера, и неделю назад, и год назад. Иногда к нему в кабинет заходили коллеги, советовались, и Бледнов, со скривившемся от стеснения лицом, боязливым голосом отвечал что-то настолько официально и по-деловому, что казалось, он использовал все свои нервные окончания, чтобы создать такую интонацию и не сбиться с речи. Пока Василий выписывал очередные закорючки на листе, радио вдруг сменило свое настроение: от легкого джаза начались новости. Он

насторожился, приготовился. Аппарат спокойно объявлял о том, что где-то кого-то как-то убили, где-то кого-то как-то обокрали. Василий внимал ему, и в его голову поползли зачатки презрения и недоумения. Он уже нервно заерзал на кресле с отвалившейся спинкой. А радио продолжало: вот какие-то физики вновь изобрели новое ядерное оружие, химики – биологическое оружие. И Бледнев тотчас покрылся красной краской, он в одночасье возненавидел науку: обвинял ее во всех бедах человечества, во всех смертях и насилии. Должно быть, если бы Василий встретил на улице какого-то достопочтенного химика, он бы попытался задушить его своими руками. Ему бы это удалось, если бы последние не были слишком короткие. А радио не умолкало: началась политика – войны, разрушения, экономика и всякая другая речь. Василий вскричал от ярости, чем напугал весь офис, стал проклинать всё на свете в смерти и насилии. Но не прошло и минуты, как упал он на свой же стол в полном бессилии.

Дождь отстукивал шестнадцатые в окно, когда Василий склонился над письменным столом, заложив руки на затылке. Он точно терроризировал стол своим взглядом, словно пытаясь добиться от него ответа. Бледнов ужасно краснел (это был единственный цвет, на который менялось его лицо) от мыслительных вопрошаний самого себя: "Закончится ли все?", "Наступит ли мир по всей земле?", "Будут ли дети наши жить в гармонии и легкости?". И всякий раз, когда он

думал над этим, он вербально повторял только "пожалуйста" до тех пор, пока слово вновь не начинало терять смысл. В комнате уже смеркалось. Василий хаотичным взглядом стал обыскивать свой стол и наткнулся на брошюру, которую подцепил где-то на улице. Она гласила о каком-то культурном мероприятии с репродукциями классических картин Средневековья и эпохи Возрождения. "Ну и чушь.. Понабирают же всяких малеваний и каракуль, а говорят «Культура, культура». Вот вам ваша культура, которая взрастилась на насилии и страданиях, – подавитесь ею", – злобно думал Василий, однако что-то в нем воспротивилось, – "Ну да черт с этим, будет время, зайду посмотреть на эту ахинею". Василий тяжелым движением встал со стула и, покачиваясь, словно от пьяни, подошел к окну. На улице темно, светят фонари и все так же льет дождь.

Наутро – а то был выходной день – Василий прогуливался по лабиринтам дорог и, будто играя в игру, старался запомнить дорогу назад. В вышине пели птицы, созвучиваясь с шелестом листьев. Солнце находилось в своем пике. Бледнов зашёл в ларёк, чтобы купить себе воды. Стоя в очереди, Василий обдумывал свой день: вот сейчас он купит воды, выйдет, сядет на лавочку и будет смотреть на солнце, пока оно не зайдет за горизонт. Будет мечтать о рае на земле, об ангелах за спинами и о Ком-то там, кто принес бы всем счастье и лёгкость. В таком расположении, он вышел из ларька и чьи-то крики привлекли его взор. Мальчишки дрались, ис-

пуская друг на друга похабные ругательства и перебивая их же кулаками. Василий вдруг затрепетал, что-то в нём поднялось прямо до горла. Он с дикой радостью осознал, что он и его идеи вправду кому-то помогут. Он уже воображал себя и полицейским, и врачом, и священником, и мессией. Прыжками добежав до юных хулиганов, он начал свою новую около-ларьковую проповедь: "Дети, взгляните, что вы творите! Разве вы не знали, что причинять боль брату своему – грех и преступление? Разве вы не читали сюжет о том, как апостол Василий предал Иисуса? Ему было очень больно, разве вас это не трогает? Покайтесь! Иначе вас ждут вечные муки в аду: черти будут грызть ваши глотки и вы буде..."

-Старый, что ты тут забыл? Вали обратно по своим делам, ты здесь не нужен, – перебил его один из мальчиков, выставив на него кулак. Бледнову тотчас кинулась в глаза кровь на руке мальчика. Алая, светящаяся на солнце, она переливалась золотом и капала на зелёную траву. Весь маленький мир Василия превратился в эту кровь: в глазах все светилось, а под светом пульсировал ярко-красный увет. В испуге он загипнотизировался и молча созерцал алую жидкость. Она то плескалась, то останавливалась, чтобы набраться сил. Перед глазами Василия мелькали тысячелетия, империи и их упадки.

—Что ты смотришь, совсем уже из ума вышел? – ответил

на его молчание юный собеседник. В глазах Бледнова стояли слёзы, он отвернулся и пошел домой. Воду он в тот день не выпил.

Густой звон колоколов разносился по площади – у церкви столпился народ. Кто-то курил, кто-то ликовал и смеялся, а кто-то пришел просто из любопытства. Земля тряслась от звуковых колебаний толпы. А на небе ярко светило солнышко. Василий пробирался сквозь толпу, спотыкаясь о людей и снося случайные удары в лицо плечами (рост Василия позволял). Когда же он подошел к храму – перекрестился (все же он читал пару страниц Евангелия и носил крестик). И вдруг он задумался. Он рисовал в сознании, как Христос сносил свое бремя, как его распинали и как презирали. И как Христос своей смертью даровал жизнь другим. "Почему же тогда мы до сих пор страдаем?" – думал Василий. Он забылся в размышлениях и пошел гулять дальше. От какого-то прохожего он случайно услышал о выставке. О той самой выставке репродукций картин. Глаза Василия вспыхнули, будто он обрёл великую цель в жизни. Его раздирали злорадство и злоба. Вот он придет туда, всех обсмеет и скажет, какие же они убийцы, садисты, извращенцы и многие другие, раз они потакают такому искусству. И самое главное – как они заслуживают наказания в аду! На небе стали появляться первые облака, которые, тем не менее, медленно сгущались. Народ необузданно маршировал по улице с весёлыми лицами и только Василий – слабый, сутулый и напоминающий

человека, который уже много лет страдает неизлечимым заболеванием – плелся между ними.

После того, как Василий обогнул пару ветхих домов, которые изнывали от своей дряхлости, вдруг его глазам представило огромное здание, построенное еще в декабристскую эпоху. Именно в сем месте проводилась выставка. Бледнов по-divился этому контрасту: одно – доживает, а второе – продолжает жить. Войдя внутрь, Василия охватила паника – как здесь просторно! вся широта и высота мира не сравнится с этим помещением! Вот он уже увидел первых жертв его проповедей: молодые люди с черными волосами в чёрных пальто, дамы в костюмах и очках (между тем очень даже привлекательные) и эксцентрично одетые мужчины с уверенными глазами и чуткой натурой. Однако что-то в Василии сжалось, и рот его не мог разомкнуться – лишь своими серыми глазами он со страхом впивался в них. Оцепенение. Один из сотрудников мероприятия подошел к нему, немного испугавшись его вида, и спросил: "Мужчина, что с Вами? Быть может, Вы не знаете, куда идти? Позвольте я проведу Вас". Но Василий, еще больше оцепеневший, смог всего издать невнятные звуки, напоминающие отказ. Сотрудник отошел. Всем своим телом Бледнов заставил себя сдвинуться. Он осматривал людей, стены, люстры, но не картины – что-то в них таило опасность для него. Увидев огромное скопление народа, он, точно под гипнозом, понесся к нему. Что-то

магнетическое притягивало его. Он чувствовал, что что-то грядёт, что-то откроет ему то, что закрыто в нём. Невольно растолкав людей, тотчас он увидел огромное полотно и слова на табличке снизу – "Вавилонская Башня, картина Питера Брейгеля Старшего, 1563г". От взгляда на картину, внутри Василия все стало стремительно падать и ломаться на мелкие части, а потом – на осколки, что приносили ему нестерпимую боль.

Открыв рот в немом крике, он замертво упал ничком.

«731», или несколько дней «по ту сторону»

Это был 1932 год, когда в удивительной стране восходящего солнца образованный император-биолог Хирохито объявил о силе науки и единстве нации, основав лабораторию смерти – «Отряд 731». Он убедил более трех тысяч людей собственноручно втоптать в грязь Человечность и принять облик дикого животного, с радостью впустив его в себя, во имя «родины» и нации. Чуть позже эта армия «плоти» и пропаганды заставит землю трястись и стонать, наполнит воздух криками и непрерывным ужасом. А уже в старости те, кто не был осудим, выйдя из воды сухим, будут лицемерно и надменно вещать о том, как им жаль и совестно, притом испытывая невероятное душевное возбуждение и впадая в эйфорию при единственном воспоминании. Наука – лучшая подруга убийц.

Их привезли на потертом, грязном эшелоне глубокой июльской ночью. Снаружи природа замерла в ожидании нового красочного дня, в ожидании рассвета, что заставляет людей влюбляться и чувствовать свободу. Сиро Исии и его подопечные подошли к эшелону, скомандовав открыть его. Один из них, что держал в руке тонкий и холодный хлыст, отворил вход: бледные, непонимающие люди резко оглянулись на него огромными, голодными глазами; некоторые все еще спали, досматривая последние счастливые сны, после которых они проснутся в слезах. Японец что-то оглушительно громко крикнул, указав пальцем на землю, имея в виду немедленно выходить из поезда. Пленные с испугом отшатнулись назад, из-за чего военного схватил гнев, что приказал ему влезть в вагон и, оставляя ярко-красные побои, напоминающие розы, выгнать всех оттуда. Как только они вступили или упали на эту землю, они больше не были людьми...

Их выставили в ряд. Сиро Исии представился на ломаном китайском с разъедающей рот улыбкой. Солдаты заявили новым жертвам, что теперь это их новый дом и, поставив на колени при помощи хлыста, утвердили им, что отныне они – лишь «бревна».

А небо уже всюду покрывалось первыми голубыми кусочками сладкого предчувствия приближающегося солнца. По-

ка что только едкий запах пота мешал ощутить это величие. Пленных стали вести ударами до барачков. Какой-то исхудавший кареглазый парень истошно завопил, приняв попытку сопротивления. Тщетно. Застрелили. Один японец о чем-то с гордостью рассказывал, показав все свои желтые зубы. Как только их довели до барачков, в нос ударил запах смерти и последующее горькое осознание. Но солнце уже стало показываться, что хоть немного дарит надежду. Как все же это странно: мир способен приносить безграничную, плескающуюся радость даже, на первый взгляд, обычными явлениями. Тем временем, заключенные были заперты в бараках. Некоторые из них забились в углы, закрывшись руками, будто защищая себя от зверств, что творят люди на Земле. Один юноша простонал:

«Господи, что же с нами будет?»

-Сгнием мы тут, сгнием, – ответил коренастый мужчина с голубыми глазами, в которых виднелась обреченность. То был советский военный, которого самым досадным образом смогли обнаружить японские милитаристы. Звали его Василий Иванов. Самые обычные русские имя и фамилия.

-Осталось только ждать, кто сдохнет быстрее, – с резким негативом продолжал Василий.

«Бревна» молчали. То ли от шока, то ли от отчаяния. Да и нашлось бы, что сказать в такой ситуации? Вдруг в барак зашли. Японцы передали 500г засохшего хлеба на 15 человек и забрали двух куда-то с собой.

Все набросились на этот кусок, отталкивая и пиная друг друга. Василий Иванов лишь наблюдал. Он ясно понимал, что больше нет никакого смысла употреблять пищу. Однако после такого небольшого «перекуса», те, кто не спал, решили исправить это. Василий Иванович в том числе. Июльское утро уже стучалось в окно, и для некоторых оно было последним.

Вечером в барак вломилась военная. Они свершили все по тому же плану, оставив на телах уже кровавые «розы». Японцы повели пленных в новое здание. В нем они заставили молодые тела обнажиться и взяли с них кровь. И вот, эти узкоглазые лица снова облачились в широчайшие улыбки, источающие высокомерие и достоинство. Пинками они погнали «бревна» по песку и нескошенной траве, крича японские ругательства, обратно к баракам. В тот вечер им было очень весело. Одного они убили прямо на месте из забавы, просто кинули острый камень в затылок. Выполнив маленький смертельный марш до склизких, пугающих барачных, они снова остались наедине с пустыми, но столь говорящими

ощущениями. Это нельзя измерить, нельзя потрогать, услышать, увидеть, надумать, узнать, но раз почувствовав, все ментально рухнет без возможности возврата. Несколько заключенных легли голыми на холодный пол и просто смотрели вверх от безысходности. И вправду, что заставляет человека взять оружие и стать мерзким животным? Только собственные интересы, собственное достоинство и собственные ценности.

Следующая заря была все такой же яркой, многообещающей и трогательной. Иногда она напоминала смущающуюся девчонку в своем расцвете. И все это переливалось нежным перламутром, умиротворенным и мягким. Мир Чудес.

Проснувшись с утра, Василий Иванов уже слышал, как японцы готовятся к будущим зверствам: поют, шутят, смеются. Они вошли и подняли всех на ноги.

-Вы будете гореть там, где заслуживаете этого, дьяволы! – ярко закричал один из заключенных, за что получил хлыстом по спине.

Солдаты под угрозой расстрела приказали «бревнам» идти в огромное, черное, мрачное здание, что было создано из бетона. Там они расставили их в линию перед стеклом, открывающим прямой вид на медицинский кабинет. Стериль-

ные перчатки, скальпель, молоток, ножницы, капсула с водой. В комнату вошли «врачи» и одно «бревно» – парень с выражением феерического испуга и ломаными движениями. «Врачи» были одеты с иголки. Их лица ничего не показывали, кроме раздирающего возбуждения. Они сжали руки парня так, что тот стал терять дыхание от еще пущего страха. Его затолкали в капсулу и стали ждать. Первые секунды он ошеломляюще ревел, вопил и стучал по стенкам всем телом. А затем...низкая температура воды свела мышцы, он затих. Спустя какое-то время его начали доставать. Застывшая гримаса паники и ужаса. «Врач» дал комментарий о температуре воды и номере эксперимента. Потом ловким движением быстрой кисти, захватив пальцами кусок кожи, сорвал ее с рук «бревна» без каких-либо эмоций. «Бревно» не издало никаких звуков, только широко открыло посиневший рот: температура сохранялась. Белая кость, покрытая гиподермой, отчетливо виднелась, что заставило одного из тех, кто стоял в нашей линии, потерять сознание. Сзади подошли японцы и ударами ножницами стали выводить остальные «бревна» из этого здания. Василий Иванов созерцал сию картину: люди, имеющие столько же конечностей, что и другие, обладающие разумом, что и другие, пришедшие в этот мир вечно терпеть боль, что и другие, поставили себя выше настолько, что упали, сами того не заметив. А причины тому – нация, что была выбрана не тобой, эгоизм – человек любит, когда ему делают добро, но сам он этого делать не любит. И

как такое ничтожное существо может позабыть о Любви и Боге и возомнить себя Богом? Василий Иванов долго думал, пока не дали ему по голове прикладом, обругав по-японски. По приходу в барак, Василий сразу уснул.

Очередной рассвет начался для Василия настоящим марафоном: именно его сегодня избрали японцы. Он шел босым по неровной, неочищенной каменной дорожке, уже ничего не думая. Ему вышибли способность думать. Советского мужчину завели в то же здание, но в другой сектор. Там ему дали поесть последний раз: хлеб и вода. Василий просто наслаждался моментом. Позже те люди потолкали его дальше. В следующем коридоре была женщина с дочерью. Их втроем грубо толкали дальше. Обнаженные, они шли выдержанно, но с непоколебимой тревогой. И тут весь мир свернулся у ног Василия апельсиновой коркой. Он тихо успокаивал девочку. Подонки завели их в комнату с толстыми стенами и закрыли железную дверь. Мать обняла ребенка так крепко, чтобы тот ничего не увидел.

-Мама, мы где? – спрашивала тонким голосом дочь.

Но мать, рыдая, убеждала, что все будет хорошо.

Василий почувствовал щемящее ощущение в легких. Он

понял, что происходит. Резко упав, он просто смотрел в бетонный потолок. Он становился все белее и белее. Крики дочери, зовущие мать, становились все тише. И тут белая пелена застелила взор Василия. Последний вдох застрял в его груди.

А рассвет все так же наступал, чтобы заставлять людей влюбляться и чувствовать свободу.

Сон

Был однажды день, что сломил меня. В нем раскололась земля, вспыхивая огнём, деревья обуглились и рухнули. Там небо затмилось черными тучами и заявило, что упадет на меня. Солнце пережглось и взорвалось. И люди с пластмассовыми пальцами тыкали ими в меня, громко смеясь. Я оказался выброшенным в грязь и растоптанным позолоченными туфлями высоких особей. Дома почернели и стали смотреть вглубь меня. Мой желудок отвалился и грузно приземлился на таз, селезёнка заболела, а сердце заиграло тридцать вторые. Я слышал, как другие вселенные кричат и вопят о помощи. Все мельницы истощили себя и источали гудящий звук. Вдруг все люди начали спотыкаться об меня и, разбивая лоб, умирать. Я истошно просил их остановиться, но они всё продолжали спокойно падать и испускать дух. Кровавые слезы горя хлынули из меня, затопив их мертвые тела. Где-то вдали появилось мерцание, и бабочки летали туда-сюда, но в тот

же миг они исчезли, оставив шрам в моих внутренностях. И неожиданно время остановилось и сломалось. Мир затих. Осталась лишь абсолютная темнота, по которой я блуждал один. Я успокоился и приобрел резиновую улыбку на лице. В полном мраке я отыскал свой дом, взошел на третий этаж и открыл квартиру. Темно-серые стены окружили меня в узком проходе. Всё здесь было ветхим и черствым. Однако я понимал, что этого не будет, и всё обретет свой естественный вид. Я лег спать и покинул действительность.